

№ 12

2008

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

МШВА

Дария ДЖУМАГЕЛЬДИНОВА

Еркегали по прозвищу “Кошмарик”

Повесть

(Окончание. Начало в № 11 за 2008 год.)

О Советском Союзе

Я люблю приходить к бабушке в гости. Её квартира похожа на музей. Она угощает нас чаем из большого самовара, которому больше ста лет. Я люблю её стихотворение про самовар и каждый раз прошу его прочесть, что бабушка делает с удовольствием:

*Когда мой отец разжигал самовар,
Он долго пыхтел и блестел, словно шар.
Над ним поднимался, как облако, пар,
Он к трапезе нашу семью приглашал!*

*Он важно стоял на нашем столе
И отражался, как солнце в окне.
Напыщен он был, как красавец петух,
Потом затихал, испуская свой дух.*

*Я образ его никогда не забуду!
Он был для меня замечательным чудом.
Запомнился цветом, как медный пятак,
И был кривоногим, как старый гусак.*

Стихотворение большое, и бабушка не стала его читать полностью. Она говорит, что к старости люди становятся болтливыми, и её стихи тоже. Мне стыдно, что я не нашёл время выучить хоть одно её стихотворение. Может, оттого, что семья не одобряла её творчество.

На стенах у неё висят фотографии её бывших учеников. Среди них есть знаменитости: врачи, академики, учителя и министр.

Я спрашиваю: “Бабушка, а у тебя есть простые ученики? Продавцы, рабочие?”. Она отвечает: “Больше половины моих учеников — представители этих профессий”.

— А почему у тебя нет их фотографий?

— А потому, внучок. Я понимаю твой хитрый вопрос, продавцом может стать каждый из них. А генералом — единицы. А если бы висели их фотографии, то про меня сказали бы: “Грош цена тебе как учительнице, выучила одну серость!”.

Она любит рассказывать о своих знаменитых учениках и гордится, что была их первой учительницей.

Однажды, когда я пришёл к ней, бабушка делала генеральную уборку и выкладывала на стол пакеты с фотографиями незнакомых мне людей. Я спросил её: “Кто эти люди? Наши родственники?”.

— Нет, — ответила она. — Это героини войны. Многие из них погибли, защищая нашу Родину — Советский Союз.

Я спросил: “Ты что, раньше жила в другой стране? А зачем оттуда уехала?”.

Бабушка обиделась: “Глупышка, мы никуда не уезжали! Её теперь нет, она не существует”.

— Расскажи мне про свою страну, — попросил я.

— СССР был умным и сильным государством. Я люблю его и скучаю, — она с серванта сняла старую матрёшку — любимую мамину игрушку, обняла её и прижала к себе. — Вот таким большим и красивым был наш Советский Союз!

Она открыла её, вытащила из неё множество разных матрёшек:

— Вот во что он превратился! Появились новые государства, разные по величине, как матрёшки.

— А кто виноват? — спросил я бабушку.

Она ответила:

— Глупые старые правители. Они не хотели уступать своё место молодым, у которых мозги не засорены и хорошо работают. И довели в конце концов страну до нищеты. Ты не можешь себе представить, что когда-то магазины были пустыми. На витринах лежали ячейки с яйцами. После шести часов вечера продавались продукты. Если не выступишь большую очередь, ничего не купишь. Вся семья останется голодной.

— А как жили люди в Казахстане?

— По-разному. Несмотря на то, что Казахстан богат, всё отсюда вывозилось. Мы занимали очередь с утра, чтобы купить колбасу и масло. Твоя бабушка честно признается тебе, что и хорошего было много. В больнице бесплатно лечили людей, было бесплатное образование. Мы с дедушкой объездили все курорты, много раз бывали в Москве и Ленинграде.

Казахстан получил независимость, стал самостоятельным государством, это нас радует. Мы с дедом — пенсионеры и не можем позволить себе съездить отдохнуть, как раньше. Я страшно боюсь, если кто-то из нас заболеет, откуда нам взять деньги на операцию или лечение. Твой дедушка успокаивает меня, говорит, временные трудности. Боюсь, что я не доживу до лучших дней, может, вы будете жить в лучшие времена.

— А что стало с Москвой?

— Москва осталась Москвой. Говорят, ещё красивее стала!

— Бабушка, давай съездим в Москву! Или ты боишься скинхедов?

— Откуда ты знаешь про скинхедов?

— В нашем садике все дети знают, что они убили невинную маленькую девочку. Мы всей группой решили написать письмо Владимиру Путину, чтобы он их наказал.

Бабушка нарочито спросила меня:

— А кто такой Путин?

— Он — президент России.

— А кто у нас президент?

— Нурсултан Назарбаев.

— Правильно!

— В садике всему нас учат. Мы знаем всех главных президентов.

— Плохо, что вы, дети, узнали про скинхедов, это вам ни к чему. Молодцы, что решили написать президенту письмо! Я с твоим дедушкой много

раз была в Москве. Она была главным городом нашей страны! В Москве есть что посмотреть, где отдохнуть: Кремль, Красная площадь, собор Василия Блаженного, Третьяковская галерея, Мавзолей, где похоронен дедушка Ленин, много музеев и театров. Плохо, что сейчас опасно туда ездить. Раньше в Москву уезжала молодёжь учиться, как в Париж или Нью-Йорк. Там учились твои родители.

А скинхедов я не боюсь! Они неудачники, живут чужим умом. Кто поверит, что их врагом оказалась несчастная таджикская девочка? Что плохо она могла сделать этим оболтусам? Я думаю, им сейчас стыдно и жаль её. Возможно, они каются. Ты думаешь, что в тюрьме на них смотрят как на героев? Их презирают и над ними смеются. А их родственники сгорают от стыда. Может, в эти минуты им нужно сорвать было на ком-то свою злость. Или им заплатили большие деньги.

— Бабушка, неужели за деньги убивают человека?

— Ой, внучек, не задавай мне такие вопросы.

— А кто же объяснит мне, если не ты?

— Лучше не думай о них.

Мне захотелось помочь бабушке, и я спросил её:

— Что ты будешь делать с открытками, где изображены герои?

— Отдам их в школу, если возьмут. На их подвигах воспитывалось наше поколение. А вы про них забудете.

— Бабушка, героев никто никогда не забудет!

— Было время, когда народ не только героев, но и Бога забыл!

Я взял из шкафа несколько тяжёлых альбомов и нечаянно их выронил, оттуда выпало много фотографий. Я спросил:

— Это мамыны и папины фотографии?

— Нет, — призналась бабушка. — Это фотографии твоего дедушки и мои.

Мне стыдно признаться, что я их не узнал! Оказывается, они тоже были детьми и учились в школе. Потом поженились, и у них родилась дочь, моя мама.

— А ты думал, что бабушками и дедушками рождаются? Мы тоже были детьми, я была хулиганкой, а дедушка — хорошим спокойным мальчишкой. Посмотри, какими красивыми мы были и тоже не хотели стареть.

Я был удивлён: дедушка на фотографиях был обыкновенным мальчишкой, а бабушка — девочкой с косичкой. Я страшно испугался. Неужели и я стану, как они, старым и больным!

Бабушка стала утешать меня: “Когда ты вырастешь, настанут другие времена. Люди перестанут стареть. В мире тысячи учёных ищут лекарство от старости. Когда его найдут, человеку дадут таблетку или сделают укол, и он перестанет стареть. Вы будете молодыми и красивыми. А нам с дедом осталось недолго жить”.

Я испугался, как мы будем жить без них, и предложил им пока не умирать: “Подождите немного, скоро я вырасту и придумаю новое лекарство, которое сделает вас бессмертными!”.

Она засмеялась: “Спасибо, внучек, за такие слова! Я знаю, ты любишь свою бабушку. В последнее время я часто болею и боюсь, что не доживу до этого дня! Я хорошо пожила и на старость не обижаюсь! И не хочу быть бессмертной! Жить надо по законам природы! Если люди станут бессмертными, то мир перестанет обновляться, воцарится хаос в природе.”

Старость нужна и людям, и природе! Каждый год на дереве обновляется листва, но от этого оно не становится моложе”.

— Бабушка, недавно я узнал, что не стану космонавтом, мои уши не поместятся в скафандр.

— Кто тебе сказал такую глупость? Посмотри, какие чудеса происходят на земле. Неужели учёным тяжело сделать скафандр под твои уши?

— Я всё равно передумал. Стану врачом и придумаю лекарство от старости и болезни, не умирай, пожалуйста. Подожди немного!

— Ерке, ты думаешь, легко придумать такое лекарство? Легче придумать новый компьютер!

— Бабушка, почему Бог не сделает бессмертными хороших людей? Я думаю, плохо испугаются смерти и перестанут совершать плохие поступки.

— Ерке, есть люди, которые ничего не боятся: ни смерти, ни ада. Они никогда не исправятся, их ничем не напугаешь. Нет, внучек, бессмертие ни хорошим, ни плохим людям не нужно! Жизнь станет неинтересной. Люди устанут жить!

О невежестве взрослых

Почему-то взрослые считают, что только детей надо воспитывать. И не замечают, как сами плохо воспитаны. На мамин юбилей пришло много гостей, её подруги и знакомые. Нам накрыли стол в детской, мы играли и смотрели телевизор. Когда я пошёл в кладовку за новыми игрушками, из туалета вышла подружка моей мамы Айман. Не помыв руки, она вернулась в гостиную.

Я догнал и спросил её: “Почему вы не вымыли руки? Вы ведь заходили в туалет!”. Она прошипела: “Замолчи, глупец!”.

Но я не успокоился, пошёл за ней и в присутствии гостей громко сказал: “Эта тётя вышла из туалета и не вымыла руки!”. Папа за шкуру затолкал меня в детскую, а тётя Айман заплакала от обиды и ушла домой.

Мои родители потом меня ругали, что я неправильно поступил и не имел права позорить мамину подружку. Гости спрашивали меня: может, ты не заметил, как она вымыла руки? После этого случая мамыны подружки стали называть меня Кошмариком. Это прозвище навсегда приклеилось ко мне. При мне они демонстративно шли мыть руки в ванную. А родители после ухода гостей спорили между собой, кто прав. Лица у них были весёлые. Потом они признались, что я был прав, а тётя Айман была расстроена и просто забыла помыть руки. Я хорошо помню, как наши гости постоянно веселились, а она больше всех смеялась, но никто не хотел меня слушать. Взрослые всегда считают себя правыми!

Некоторые взрослые люди говорят в присутствии детей плохие слова и при этом даже не извиняются. Значит, они плохо воспитаны. Взрослые — страшные лгуны, даже мои родители. Я это заметил давно, но молчу и никому не рассказываю. Даже воспитательницы в садике, переговариваясь между собой, говорили: “Ерке — умный ребёнок, отец у него профессор, а мать умная женщина, она родила его поздно, а поздние дети рождаются умными и талантливыми”.

Недавно у меня зашатался зуб, я весь день его крутил и вырвал. До этого меня водили к врачам, они вырывали у меня зубы. Бабушка обрадовалась и сказала моим родителям:

— Надо устроить той, потому что Ерке вырос и стал взрослым.

Я подошёл и сравнил себя с отметинами, которые делал мой папа, но ничего не изменилось: я каким был, таким и остался. Из зеркала на меня смотрел удивлённый беззубый мальчик с оттопыренными ушами. Я разозлился, взял скотч и приклеил их.

Когда я утром проснулся, почувствовал, что щёки у меня стали колючими. Я решил, что за ночь у меня выросла борода, и страшно расстроился. Я пошёл в ванную и стал намыливать щёки, они снова стали гладкими.

Я от радости засмеялся, мама испуганно вошла в ванную и спросила, что случилось. Я рассказал ей честно про бороду, и мы вместе стали смеяться.

Потом я решил спросить её, может ли человек снова превратиться в обезьяну?

Мама спросила:

— Это ты про себя спрашиваешь?

— А что, я становлюсь похожим на обезьяну?

— Иногда своим поведением ты сильно напоминаешь наших предков. Но могу обрадовать тебя. В науке нет доказательств об обратном превращении. Жаль, что ты родился поздно и тебе скучно среди взрослых, поэтому ты задаёшь глупые вопросы.

Тогда я предложил:

— Роди мне щенка, и мне не будет скучно.

— Ты таким непорядочным образом выпрашиваешь у меня собаку? Ты прекрасно знаешь, что женщина не может родить щенка, для этого достаточно у нас в городе собак.

— Извини, мама, я просто не знал, как начать разговор, чтобы выпросить у тебя собаку.

Ссора с отцом

Однажды, когда я один слонялся во дворе, ко мне подошли мальчишки и спросили, хочу ли я поиграть в войну? Я обрадовался и предложил им своё оружие. Они сказали: твои игрушки нам не нужны. Чтобы играть в настоящую войну, принеси коробок спичек. Родители не разрешали мне брать спички, но в тот момент я так обрадовался, что забыл об их запрете. Они стали поджигать пух, он мгновенно вспыхивал, взрывался, как порох, и перемещался по периметру детской площадки. Наш двор засажен огромными тополями. Они выше наших домов, каждый год роняют пух и застилают пуховым ковром весь двор. Из окон стали кричать люди, они требовали немедленно прекратить безобразие. Я испугался, впечатление было ужасное, как в военных фильмах. Вдруг я почувствовал, как кто-то схватил меня за шкуру. Это была мама, она потащила меня домой.

Я обратился к мальчишкам:

— Отдайте мои спички!

— Ах, значит, ты и спички взял без разрешения! Сейчас придём домой, я всё расскажу отцу. Хватит! Пора признать, что наш сын хулиган! Пусть отец возьмёт ремень и накажет тебя, я в этот раз заступаться не буду!

У меня было хорошее настроение, и я сказал своей опешившей маме: “Давай поспорим! Папа наказывать ремнём меня не будет! Это не его метод! Потому что когда он смотрит на меня, у него счастливые глаза от радости, что я на старости лет у него родился!”

Когда мы пришли домой, мама отправила меня в ванную привести себя в порядок. А потом пригласила к отцу в кабинет.

Отец был расстроженный. Он сказал: “Я страшно мечтал о сыне. Но с каждым годом я разочаровываюсь в тебе. Пока то, что ты родился у нас на старости лет, кроме неприятностей нам ничего не приносит!”

Я думал, что ты будешь опорой нашей семьи. А вместо этого позоришь меня. Тебя прозвали Кошмариком! Вдумайся, какое это ужасное слово! Я не буду тебя бить, ты правильно мыслишь — это не мой метод! Я со страхом думаю о твоём будущем! Ничего хорошего от тебя я не жду! Ты наш крест! Прочь с моих глаз!”

Я, как побитый щенок, вернулся в детскую. Вот и доигрался. Как я докатился до такой жизни! Передо мной появилось лицо моей бабушки. Вот кто меня любит! Вот кому я нужен! Снова и снова я мысленно возвращался в кабинет отца. Он никогда не был таким разъярённым. Я потерял его уважение. Представляю, как сестра будет радоваться, что я свалился с пьедестала, куда поставили меня мама с бабушкой.

Я завыл, как щенок, слёз не было, хотелось лаять, гавкать, я хотел превратиться в собаку. Никто не заходил в мою комнату, даже мама!

Я хотел умереть. Представил себя, как лежу мёртвый и надо мной плачут мама, бабушка и дедушка. А Жанна стоит с отцом и улыбается. Она снова станет их любимицей! Ах, если бы понарошку умереть! Или совершить какой-нибудь поступок! Если бы случился ночью пожар, я бы всех разбудил и спас. Нет, только не пожар! Мама говорила: страшнее пожара ничего нет! А если спасти какого-нибудь ребёнка? Откуда? Рядом ни речки, ни лужи нет! “Как жить?” — восклицал я. Безысходность и безразличие охватили меня, я устал от своей фантазии. И уснул на полу возле кровати, как положено щенку.

Я проснулся оттого, что кто-то меня раздевал. Я глазам не поверил. Это была Жанна! Я сделал вид, что сплю, она целовала меня и говорила ласковые слова. Я обнял сестру, слёзы катились из моих глаз. Я прижимался к сестре, рыдал, всхлипывал то ли от радости, то ли от горя. Я и сам не мог понять. Моя сестра — обидчица и насмешница Жанна плакала вместе со мной.

Потом она, как всегда, грубо сказала: “Хватит, Чебурашка! Чего расплакался, как девочка! Как будто я поверю, что ты такой несчастный. Уж я тебя хорошо знаю, братец!”. Я был счастлив.

Чудо

Первый раз в жизни я шёл с большой радостью в садик. Мама со мной разговаривала сухо. Видимо, они устали от меня. Им, наверное, хочется избавиться от меня. А если попроситься в детский дом? Сказать: “Не хочу позорить родителей!”. Я недавно смотрел большую передачу, где все присутствующие говорили: если ребёнок плохо воспитан, виновны родители. И они должны отвечать за своих детей! А если узнают обо мне журналисты, они начнут позорить моих родителей. А родители им скажут: “Мы не виноваты, что он родился хулиганом!”. Мне стало их жаль. Они даже не смогут от меня отказаться. Бедный отец, он мечтал о хорошем благородном сыне. А родился моральный урод — так однажды меня обозвала соседка. Мне хотелось остаться в садике наедине со своими мыслями. Только чудо могло спасти меня. Как выпросить у отца прощение? Это тебе не мама, которая всё прощает. Сегодня и мамино поведение не давало мне иллюзий, что у меня всё хорошо закончится.

В нашу группу пришёл новый мальчик, он недавно переехал из аула. Он плохо говорил и читал по-русски, его передразнивали дети, смеялись над ним, когда он коверкал слова. Воспитательницы успокаивали детей и возмущались, почему его приняли в выпускающую группу. Как-то за обедом он опрокинул стакан с компотом, нянечка обозвала его недотёпой. Дети подхватили и стали так его дразнить.

Я заступился за него и сказал няне: “Вы не имеете права так обзывать Данияра. Никто, даже родители, не имеют права оскорблять своего ребёнка! Есть закон, который защищает права детей”.

И тут она зашипела: “Ишь, законник нашёлся! Я знаю от знакомых, тебя называют Кошмариком! Потому что ты не ребёнок, а настоящий чертёнок, лезешь везде, куда тебе не положено! У тебя есть бабушка, почему твой отец не разрешает ей заняться твоим воспитанием? Она была лучшей учительницей в нашем городе! Твои родители разбаловали тебя! По выходным они на работе, а ты смотришь разные передачи и чепухой забиваешь свою голову. Какие права ребёнка? Наши права надо защищать! Я этого ребёнка не била, он в твоей защите не нуждается! Сейчас рождаются такие дети, что их в зоопарке вместо зверей держать надо! Приходят к нам ваши родители со своими амбициями и начинают качать права: “Я бизнесмен, я крутой, я богатый!”. Если ты такой богатый, найми гувернантку! И не води своего детёныша в наш сад!”.

Я равнодушно выслушал воспитательницу, она права — я слишком много смотрю телевизор, и голова моя забита всякой чепухой. Когда я пойду в школу, то у меня не будет времени смотреть телевизор.

Весь день я молчал и раздумывал, как бы мне заслужить уважение отца. После обеда сразу уснул, чем удивил воспитательниц. И с нетерпением и горечью ждал возвращения домой. Отец будет ходить по квартире и не замечать меня. Так он поступает с мамой, когда с ней поссорится. Наступил вечер, родители забирали своих детей. За мной пришла мама, я неторопливо поменял одежду, глаза мамы были строги. Когда мы вышли из садика, я увидел нашу машину. Отец разговаривал с незнакомой женщиной. Это была мама Данияра. Она подошла ко мне, обняла и сказала им спасибо.

— С первых дней он стал защитником моего Данияра. Спасибо вам, что воспитали такого доброго, хорошего мальчика! Я боюсь представить, как плохо было бы моему сыну, если бы рядом не оказался Ерке!

Отец не смотрел на меня, но лицо у него подобрело.

А мама светилась от счастья: “Молодец, сынок, я горжусь тобой!”. Это было чудо, я был спасён.

О насекомых

Моя бабушка страшно разозлилась, когда увидела, как я затапываю гусениц.

— Кто дал тебе право их затапывать, лишать жизни? Кто тебя научил? — ругалась она.

— Бабушка, ты что, не знаешь? Гусеницы, кроме вреда, ничего не приносят. Есть каналы, где показывают фильмы только о животных. В джунглях, в океане, на земле — все поедают друг друга. Даже муравьи, которых ты обожаешь, являются хищниками. Это называется законом природы. Гусениц поедают птицы, а этих птиц ловят орлы, а их ещё кто-нибудь. И мы, люди, уничтожаем домашних животных.

— О, боже, что говорит этот малыш!

— Так устроен мир, — убеждал я бабушку.

Эта стрекоза влетела к нам в машину. Я поймал и положил её в коробку, решил отнести в садик. После обеда, когда все дети легли спать, я выпустил стрекозу на кровать Зарины. Она испугалась и стала кричать. Воспитательница спросила: кто её принес? Я сказал, возможно, она залетела в окно. Мадина закричала: “Я видела в его руках коробку, — и показала на меня: — Он постоянно туда заглядывал. Кроме Ерке никто не догадался бы её принести в садик”. Мне пришлось признаться. Воспитательница с нянечкой решили меня наказать. Они поставили меня в угол. Постепенно всё затихло, дети уснули.

Из угла я наблюдал за лучами солнца: вначале они освещали игровую комнату, а потом постепенно переместились в спальню. Они скользили по лицам детей. Я про себя называл имена моих врагов, они послушно задерживались на их лицах, как бы играя со мной в мою игру.

— Если смотреть с педагогической точки, Ерке ничего страшного не сделал, — убеждала няня нашу молодую воспитательницу.

— Ему не надо было отпускать стрекозу во время тихого часа.

Они не догадывались, что мои уши наострились, как локаторы. Я стоял и бессовестно подслушивал их разговор. Недаром я имел абсолютный слух!

— Прозвище у него Ерке, он это сделал нарочно, — сказала воспитательница.

Няня предложила: “Может, отпустим Ерке, он хоть баловник, но является лидером в группе. Если бы в садике не было таких детей, то наша работа была бы скучной”.

Они решили спросить меня, зачем я принёс стрекозу. Решил напугать девочек?

Я признался, что хотел показать её детям. Раньше никогда их не ловил. А эта сама влетела в нашу машину. Я думаю, детям необходимо поближе с ней познакомиться. Стрекозы приносят людям пользу, они питаются комарами, и мой папа говорит: “Нужно благодарить их за то, что этим летом стало меньше комаров”. Няня удивилась, она не знала, что эти насекомые приносят такую пользу людям: “Весь мир страдает от комаров, и я считаю, что детям нужно рассказать о стрекозах, чтобы дети не уничтожали их”. После полдника воспитательницы попросили меня рассказать детям, какую пользу приносят эти насекомые. Дети обрадовались и попросили ещё что-нибудь рассказать. Я рассказал им про муравьиное государство. Муравьи хоть трудолюбивые и полезные насекомые, но тоже являются хищниками. У каждого муравья расписан день, что он должен сделать. Одни делают запасы на зиму, а другие занимаются обустройством муравейника. Они хорошие воины, могут защитить муравейник от врагов.

Родители Зарины пожаловалась методисту, что я приношу насекомых, пугаю детей перед сном, а воспитательницы меня защищают. Старая воспитательница пожаловалась моей маме, что на меня плохое влияние оказывает бабушка: “Она неправильно воспитывает вашего ребёнка. Ваш сын — грубиян и не хочет помогать воспитательнице. Он хвастается тем, что ваш муж не помогает вам! И вообще ваш ребёнок — лентяй и бездельник. Он не захотел собрать бумажки на детской площадке и заявил мне, что он не побирушка! Вы представляете, в его возрасте быть таким невоспитанным!”.

Перед мамой оправдываться было бесполезно. Мне стало обидно, Сара Ахметовна, взрослая женщина, решила опозорить меня перед семьёй. Я никогда не думал, что воспитательницы могут так бессовестно обманывать. Оказывается, наша воспитательница тоже лгунья.

После завтрака, когда мы вышли на прогулку, я отпросился в туалет, а сам пошёл на второй этаж к заведующей. Я долго стоял у двери. Все меня спрашивали, почему я не играю. А я молчал и ждал, когда Мира Ильясовна вернётся.

Она пришла и пригласила меня в свой кабинет. Вызвала повара и сказала, что хочет со мной попить чаю. Мы пили чай, она расспрашивала меня, в какие игры мы играем, какие выучили стихи. После осторожно спросила, какая причина привела меня к ней.

Я решил ей обо всём рассказывать. О том, как воспитательница ругает и наказывает нас за то, что мы не можем вовремя уснуть. А как можно уснуть с полным желудком? Врачи не советуют спать после приёма пищи. Но взрослые беспокоятся о своём здоровье, им наплевать на детей. Заведующая засмеялась: “Сколько раз воспитательницы жаловались на тебя, что ты смотришь по телевизору взрослые программы, споришь с ними. У меня не было времени с тобой пообщаться. Ты говоришь интересные вещи, и в какой-то степени ты прав. Этим нужно заняться и повоевать с заведёнными правилами. Я думаю, дошкольным учреждениям нужно оспорить эти вопросы”.

Я пожаловался на то, что воспитательница неправильно меня поняла и обозвала хулиганом, и при детях возмущалась, что мой папа не помогает моей маме. Я предложил уволить нашу воспитательницу, или пусть она сама напишет заявление. Заведующая опять засмеялась и сказала: “Как я могу уволить человека, не разобравшись, виноват он или прав? У вашей воспитательницы нет мужа, если я уволю её, как она будет жить, у неё двое детей. Она является хорошим специалистом, окончила пединститут. Я проверяла тебя и рада отметить: ты в садике многому научился, знаешь много стихов, песен, значит наши воспитатели — неплохие специалисты. В наше время тяжело найти хорошего работника, зарплата у воспитательниц небольшая, и воспитателями идут работать те люди, которые по-настоящему любят детей. Скажи честно, откуда ты знаешь, что ей нужно вначале написать заявление?”.

Я признался, что смотрю взрослые передачи и знаю, что плохого работника нужно уволить с работы. Дать ему выговор или предложить написать ему заявление. Заведующая возразила: “Её не назовёшь плохим работником. До этого вы с ней ссорились? Ты сколько лет ходишь в её группу?”. Я признался, что одно время даже любил её, а потом пришла молодая воспитательница, и я влюбился в неё.

— Ваша Сара Ахметовна устала, уже много лет она не берёт отпуск. Я уверена, всё у тебя будет хорошо. Ты обязательно помирись с воспитательницей. Взрослые передачи ничего кроме разочарования тебе не дадут.

Заведующая пообещала разобраться и поговорить с воспитательницей, а мне посоветовала: раз я младший в семье, помогать своей маме. Например, её дети любят пылесосить квартиру.

— Для тебя это сделать несложно, мужчины должны работать с техникой, а твоей маме будет приятно.

Она рассказала мне о своих сыновьях, которые помогают ей, убираются в квартире и жалеют её, так как она целый день на работе, а папа у них умер.

Я спросил, а почему она не выйдет замуж за кого-нибудь?

Мира Ильясовна серьёзно посмотрела на меня и призналась: “Если я выйду замуж, это будет предательством по отношению к моей семье. А за кого-нибудь — это неуважение к тому человеку и к себе. Замуж надо выходить по любви”.

Никто никогда по-взрослому так со мной не разговаривал. Я понял, что она самая лучшая заведующая. Мне стало легко и жаль нашу воспитательницу.

На прощание Мира Ильясовна сказала: “Ты — представитель нового поколения. Сейчас во многих семьях жёны зарабатывают больше и содержат семью. Мужья понимают это, стараются им помочь и не делят работу на мужскую и женскую. На дворе XXI век, бабушка твоя этого не понимает, ты поговори с ней и убеди её. У тебя хорошая взрослая речь. О тебе ходят слухи в садике, что ты поучаешь взрослых”.

На следующий день в группе мы долгое время были одни, воспитательницы не было. Я испугался, вдруг её уволят, а другие не придут работать воспитателями, незаметно вышел и пошёл к заведующей. Дверь была открыта, воспитательница была заплаканной. Мира Ильясовна долго с ней говорила, и та призналась: “Вы не поверите. Я люблю этого мальчика, и все его любят, он не по годам умный. Я с первого дня поняла, что это непростой ребёнок! Когда впервые Ерке пришёл в садик, у одного из наших мальчиков был день рождения. Его мама принесла торт и конфеты, все дети с нетерпением ждали, когда она станет их угощать. Мама именинника вместе с нянечкой разрешила торт и разложила по тарелкам. Все дети с жадностью накинулись и стали его поглощать. Один Ерке сидел и не притрагивался. Я спросила его: “А почему ты не ешь?”. Он ответил: “У меня нет ложечки, я не привык кушать руками”. Нянечка подала ему ложку. Съев свой кусок торта, он не побежал с детьми играть. Я спросила его: “Почему ты не играешься?”. Он ответил: “Вначале нужно вымыть руки, а я не знаю, где?”. Это была моя вина. Я не успела ему показать, где дети моют руки. Меня поразило, с каким достоинством он отвечал. Он посещает мою группу больше трёх лет. Никогда я не замечала, чтобы он с жадностью накидывался на еду. В этом ребёнке сочетается всё: интеллект, аристократизм, достоинство, мудрость, ну и хулиганство — качества, которым может позавидовать даже взрослый человек. Но важно то, что это врождённое, подаренное им природой. Конечно, немаловажный фактор, что он рос в окружении взрослых образованных людей.

В своей семье он чувствует себя личностью, а не избалованным ребёнком. Чего не скажешь о других детях. В группе есть дети, которых опекали гувернантки. С крахом отцовского бизнеса они тоже посещают наш садик, они тоже воспитаны в аристократическом духе, но природного интеллекта у них нет. Возможно, здесь свою роль сыграло и то, что папа у Ерке — известный учёный, мама — умная женщина. В этой семье конфликт между тётцей и зятем мальчик понимает и всей душой хочет их помирить, но ему не удаётся и он страдает. Мама, интеллигентная женщина, находится меж двух огней. Он не по годам чуткий, но принципиальный ребёнок. То, что Ерке приходил и требовал моего увольнения, меня обижает, но он прав. В последнее время я чувствую себя уставшей. Мне как женщине хочется семейного счастья. Я стала завидовать замужним женщинам, которые не мучаются, как я, на двух работах. Я подрабатываю техничкой в строительном управлении. После работы бегу с дочкой мыть полы, стала нервной, может, мне уволиться, с такими нагрузками мне нельзя работать с детьми?”.

Я вбежал и закричал: “Нет, я не хочу, чтобы вас увольняли, я люблю вас и хочу, чтобы остались нашим воспитателем”. Она погладила меня по голове, поцеловала и сказала: “Я никуда от вас не уйду, пусть мне платят копейки. Спасибо, что ты прибежал защищать меня. Это стоит больше денег. — Она взяла меня за руку и сказала: — Прости меня, Ерке, если я тебя обидела!”.

О чём говорят воспитательницы?

Зачем я вмешиваюсь не в свои дела? Меня возмущает, когда взрослые пугают детей. На прогулку с нами одновременно выходит младшая группа. Мальчик Олжас постоянно ссорится со всеми, он не любит ходить в садик. Однажды, когда он плевался, к нему подошла методист и стала пугать его: “Если ты не прекратишь плеваться, то превратишься в верблюда”. Он испугался и расплакался, я подошёл, успокоил его и объяснил: “Запомни! Дети в животных не превращаются!”.

Олжас обрадовался и повеселел. А методиста я решил пристыдить:

“Я недавно смотрел по телевизору передачу, где говорили, что нельзя детей пугать и ругать, а нужно чаще хвалить, тогда ребёнок не станет совершать плохие поступки”.

Она ответила: “Как мне жаль тебя, ты смотришь взрослые передачи! Если бы твой папа разрешил твоей бабушке тебя воспитывать, ты был бы занят полезным делом. Твоя бабушка — заслуженный педагог Казахстана, а твой отец отстранил её от твоего воспитания. Она была моей учительницей и завучем в нашей школе, мы помним и любим её”. Я не знал, что моя бабушка была такой знаменитой. Мне обязательно нужно рассказать об этом отцу, возможно, он этого не знает.

Когда все уснули, а я сделал вид, что сплю, наша воспитательница в разговоре с нянечкой призналась: “Мне сегодня впервые было стыдно за методиста, я ещё раз убедилась, что детей надо рожать в позднем возрасте, как мама Ерке, она родила умного сына.”

Жаль, что не все дети могут посещать детские сады, не хватает всем мест. Они вынуждены одни сидеть дома и смотреть взрослые передачи. Мне стыдно за наше телевидение. Если бы телевидение посвятило один канал детям, у которых нет возможности посещать садик, они могли бы в домашних условиях выучить алфавит и научиться читать. В раннем возрасте у детей хорошая память, их можно обучить и иностранным языкам. Дети до пяти лет обладают хорошими способностями. Они легко всё запоминают и усваивают. Почему Ерке раньше времени повзрослел? Потому что он часто остаётся один. Его родители даже в выходные работают. Он вынужден смотреть взрослые передачи. Когда он подросток, его отец перестал доверять мальчика бабушке. А она была лучшим педагогом нашего города. Конечно, она разбаловала его, но после перенесённого ими горя — их старший сын был убит бандитами, всю свою любовь отдала внуку. Он стал для них лучиком и согревал её с мужем. Они помолодели, в их глазах появилась радость, но отец Ерке грубо и непорядочно поступил с ними. Он не позволяет им чаще видеться с ним”.

На днях я распрашиваюсь с садиком и поеду с бабушкой в аул. Она заявила: “Пусть ребёнок перед школой отдохнёт, подышит чистым воздухом, попьёт кумыс. В школе учиться трудно. Вначале надо набраться сил. —

Она посмотрела на мои руки и сказала: — Разве это мужские руки? Они пухлые и нежные, как у девочки. В ауле ты будешь помогать пасти овец, взбивать кумыс, окрепнешь, и у тебя появятся настоящие мускулы”. Я обрадовался — давно хочу стать мускулистым, как Шварценеггер, и ловким, как Джеки Чан.

Прощание с садиком

Сегодня я в последний раз пойду в садик. Мои родители отправятся вместе со мной. Мы приготовили для них концерт. Все дети участвуют в нём. Папа взял видеокамеру, будет нас снимать. Всё лето я буду гулять, а после обеда могу не спать.

Все дети пришли с родителями, мы радовались, что пойдём в школу, а воспитательницы плакали, им было жаль с нами расставаться. Мне тоже стало немного грустно, я не девочка, потому не плакал. Потом мы пили чай, я удивился, когда мама одного мальчика сказала: “Какое хорошее было время, когда мой ребёнок ходил в садик! Я была спокойна, что он накормлен и присмотрен. А школы я боюсь!”.

Я не удержался и спросил у неё: “Вы хотите, чтобы ваш сын не вырос и навсегда остался мальшом? Чтоб он не служил в армии и не защищал свою Родину?”. Она разозлилась: “Кажется, это тебя зовут Кошмариком, вот пойдёшь в школу, посмотрю, как от тебя взвоют учителя. И Родину будет защищать мой сын, а не ты, сын академика! От армии отец тебя точно отмажет!”.

Мама моя рассердилась и пристыдила её: “Как вам не стыдно ссориться с ребёнком?”. Женщина сказала: “Ваш ребёнок — настоящий чертёнок. Вы родили его на старости, носите с ним, слишком много ваш сын знает, что ему не положено!”.

Мои родители встали и ушли домой. Мама была расстроена и спросила: “Кто так ославил нашего сына?”. Папа сказал: “Я думаю, что эта женщина была права. Это ты и твоя мать виноваты, вы неправильно воспитали ребёнка”.

Я не выдержал и вмешался: “Это ты, папа, виноват! Воспитательницы всегда тебя ругают: “Если бы отец Ерке доверил внука бабушке, то он не говорил бы глупостей”. Она сорок лет проработала учительницей и была очень знаменитой. Её все знают и любят, один ты её ненавидишь!”.

Отец покраснел и ничего не сказал.

— Я люблю бабушку и уйду к ней жить!

Он возмутился и воскликнул:

— Можешь хоть сейчас отправляться!

Мама разозлилась: “После рождения сына ты стал невозможным. Почему обижаешь моих родителей? Все возмущаются твоим поведением. Она воспитала нашу дочь, Жанна с первого класса стала отличницей, а сына ты ей не доверяешь! Плохому она его не научит! Они завтра уезжают в аул и забирают Ерке. Если ты устроишь скандал, я подам на развод! Хватит, из-за тебя страдает ребёнок”.

Ерке едет в аул

Днём бабушка сказала моей маме: “Собирай внука, мы уезжаем втроём в аул”. Мама не хотела отпускать меня, а бабушка рассердилась: “Почему не отпускаете ребёнка? Он уже взрослый и пусть привыкает к

самостоятельности. Скоро Ерке пойдёт в школу, потом в армию. Время летит быстро, ты что, и в армию его непустишь?”. А дедушка признался: “Боюсь, что к тому времени его поколение пойдёт служить вместе с родителями”. Рано утром нас разбудила бабушка, она заставила меня выпить молока, и мы на старой дедушкиной “Волге” выехали в аул.

Вечером, когда я собирал игрушки, Жанна стала надо мной смеяться: “Ты что, все игрушки увезти хочешь? Там тебе ихломают, а половину украдут. Возьми необходимое: пистолеты, автоматы и солдатиков”.

Я впервые в жизни выехал путешествовать на машине. Обычно в отпуск мы летим на самолёте или едем на поезде. По дороге бабушка хвалила меня: “Ерке — взрослый мальчик. В ауле ему понравится, он там познакомится с родственниками и с детишками. Домой вернётся настоящим мужчиной”. Всю дорогу мы разговаривали, бабушка сравнивала детей с новорождёнными животными, и оказалось, сравнение не в пользу детей. Детёныши животных, родившись, встают на ноги и через некоторое время самостоятельно сосут молоко своей матери. Наши дети неприспособленные и слабее их.

Мне хотелось в ауле всё увидеть своими глазами. Потому что коров и лошадей я видел только по телевизору и на картинках. Дедушка обещал научить меня кататься на лошади: “Какой ты мужчина, если не можешь скакать на лошади?”.

Я лежал и представлял себя, как подъезжаю в детский сад верхом на коне. Дети будут на прогулке и воспитательницы скажут: “Вот, полюбуйте — приехал Ерке. Он раньше ходил в наш садик, а теперь стал настоящим батыром! Смотрите, как он красиво сидит на лошади!”. А дети будут кричать: “Ерке, прокати нас!”.

А я им отвечаю, что прокачу самого послушного мальчика. Тогда воспитатели скажут: “Вспомни, Ерке, а ты сам был послушным?”. Нет, лучше я никого катать не буду, хлестну коня и перепрыгну через забор. Пусть все завидуют мне!

Тут машина как прыгнет, оказывается, дедушка не заметил овраг, и мы чуть не перевернулись. Бабушка стала его ругать: “Почему ты не наденешь очки? Ты погубишь нас и единственного внука, которого так долго все ждали!”. Дедушке было неудобно, я заступился за него и сказал: “Женщина не должна говорить, когда мужчина за рулём”. Они засмеялись и я вместе с ними.

Летом в степи красиво! Поляны как большие одеяла из разноцветных лоскутков. Всюду цветы. У обочины красные тюльпаны, в середине серебристый ковыль шелестит своими кружевами, на весёлых лугах звенел смех белоснежных ромашек, жёлтые цветочки иван-чая разнообразили пейзаж, а вокруг островки сочной травы, которая своим зелёным бархатным ковром создавала уют и приглашала путников остановиться, отдохнуть.

Я подумал: если собрать все корпёшки-одеяла, раздаренные моей бабушкой, какое пространство они могли бы покрыть? Долгими зимними вечерами она их шила и раздаривала своим родным и знакомым. Её одеяла были мягкими, яркими, уютными, я любил на них поваляться. У подножия гор паслись табуны лошадей, гуртами бродили овцы. В небе летел беркут, и мне захотелось взлететь, неизвестные чувства переполняли меня — хотелось выйти из машины, кричать, бежать по зелёным лугам и радоваться великолепию, которое окружает нас.

В городе я не видел ни коров, ни лошадей, здесь я убедился, что это разные животные. Мы открыли окно в машине, ветер-проказник

забрался под мою рубашку и щекотал меня, я засмеялся. Бабушка с тревогоу спросила меня, что случилось.

— Ветер щекочет, играет со мной.

Она добавила:

— Вот приедешь в аул, там увидишь настоящие чудеса.

Мы проезжали мимо множества одноэтажных домиков, типа дачных, бабушка сказала: “Это аулы, в них живут люди”. Я удивился: как можно жить в дачных домиках? Она ответила: “Не всем нравятся бетонные многоэтажные дома. В этих домах летом прохладно, а зимой теплее, чем в вашей квартире. В ауле люди не ждут, как в городе, когда им включают отопление, они сами топят печь. Не то что вы, городские, ни к чему не приспособленные”.

А потом пожалела меня: “Бедный ребёнок — он ничего кроме асфальта в жизни не видел!”.

Мы проезжали мимо странных сооружений.

“Это древнее кладбище твоих предков. Ему несколько веков. Каждый мусульманин обязан, проезжая, помолиться, и твоя молитва дойдёт до родственников, которые похоронены далеко отсюда”.

Я спросил: “А как она дойдёт?”. Бабушка ответила: “Ветер донесёт”. Я не знал, что ветер общается с усопшими. Впереди у меня были удивительные встречи.

Я многое в первый раз узнал и услышал. В душе я радовался своей поездке. По дороге мы заехали в небольшой лесок, решили там отдохнуть. Вокруг росли ёлки и сосны, эти деревья были мне знакомы. Обычно папа устанавливает ёлку в зале, мама говорит, что ель пахнет лучше сосны, её запах распространялся по всей квартире. Когда я был малышом, родители просили меня закрыть глаза и приводили в зал, где стояла разукрашенная ёлка. Я всегда восхищался её украшениями и мечтал сам её наряжать.

Когда я вырос, мы вместе с сестрой стали украшать её. Отец помогает нам, развешивает на ней электрические гирлянды. Мы выключаем свет, они красиво загораются разноцветными огоньками. Бабушка при въезде стала возмущаться: “Таких красавиц народ безжалостно губит, вырубает на продажу. Это преступление перед природой, и твои родители тоже виновны: если бы они их не покупали, их перестали бы рубить!”. Она сказала, что результат один — потом их выбрасывают на помойку.

Если постоянно рубить деревья, то все звери погибнут, потому что многие из них выживают за счёт этих деревьев, питаются их корой и шишками, живут в их дуплах. Бабушка спросила, что мы делаем с ёлкой после празднования Нового года? Я признался, что мы стараемся подольше её поддержать в квартире, а потом с отцом относим в мусорку.

“Дай слово отказаться от ёлки на Новый год”. Я возразил: “Разве плохо, что люди её украшают игрушками и гирляндами, в квартире становится красиво и нарядно? Разве это преступление?”.

Вдали мы увидели странный дом, круглый, белый, вокруг которого паслись овцы. Бабушка попросила дедушку подъехать к нему поближе. Он спросил, зачем туда ехать, удлинять дорогу. Она потребовала подъехать туда поближе, чтобы показать внуку: “В таких жилищах наши предки жили веками”, — задумчиво сказала она. Мы подъехали к круглому домику — это была казахская юрта. Бабушка с восхищением сказала: “Учёные всего мира признают, что казахскую юрту можно назвать восьмым чудом света. Её конструкция поражает учёных. Не зная ни геометрии, ни математики, наши

предки придали ей форму круга. Она легко перевозится, ставится и убирается в степи. Из всех жилищ казахская юрта выделяется изяществом, простотой и надёжностью. Зимой она сохраняет тепло, летом в ней прохладно”.

Из домика вышли мужчина и женщина, они поздоровались с нами и предложили зайти к ним и попить кумыса. Они разговаривали с нами, как будто были давно знакомы с моими родственниками. Внутри юрта была белая, сверху через шанырак — отверстие в куполе — виднелось голубое небо, по периметру она была украшена вышивками и кисточками, на стенах висели многочисленные фотографии детей и внуков, на полу были расстелены кошмы, а сверху на них лежали ковры, во всю её окружность были развешены шкуры волка и лисицы. Красивый кованый сундук был украшен серебряными полосками, где искусным мастером были выбиты сценки охоты с ловчими птицами и казахскими собаками — тобетами, сверху он был заложен одеялами и подушками. На полу стояли маленькие табуретки, тоже ручной работы.

Вдоль стены висели домбра и кобыз. Впервые я увидел этот инструмент вблизи. Он выглядел древним и таинственным.

Мне хотелось взять его в руки и слиться с ним в едином звуке. Я постеснялся это сделать, а только подошёл и стал его рассматривать, стараясь запомнить его очертания. Я впервые сидел за низким круглым столом. Мой дедушка удобно расположился, и я решил последовать его примеру. Мягкая кошма, сверху застланная ковром, была нежесткой, а мягкие подушки создавали комфорт, который я никогда не чувствовал у себя в доме. Всё это было экзотикой для меня, городского жителя.

Мы пили кумыс, хозяйка разливала его деревянным половником. Кумыс не был кислым, как у нас в городе, на столе лежали пышные баурсаки, холодное баранье мясо было нарезано толстыми кусками, а сверху тонкими пластинками на нём лежал курдюк, я проголодался и налёг на пищу.

Хозяин взял домбру и заиграл на ней. Я видел домбру в квартире у дедушки, но никогда не видел, как он играет. Немного поиграв, он предложил дедушке сыграть на домбре.

Свежий ветер ворвался к нам, запахло степными травами и цветами. Этот кюй называется “Сары-Арка”, автор его — знаменитый кюйши Курмангазы. Он был храбрым человеком и хотел свободы своему народу. Его кюи отличаются воинственностью, он призывал свой народ не мириться с унижениями, которым они подвергались. Его называли казахским бунтарём, он сидел в тюрьме и дружил с русскими большевиками.

Дедушка заиграл, лицо его преобразилось: помолодело, морщины разгладились, глаза загорелись огнём, он стал как будто выше и моложе и смотрел куда-то вдаль, будто был далеко от нас. Меня охватил дух и героизм моего народа, величие и простор степи, я мчался по раздолью вместе со всадниками на лошадях одной лавиной, не замечая ни расстояния, ни препятствий. Мы гоним врагов, а над нами голубое небо, а под ногами зелёная бескрайняя степь, покрытая серебряной скатертью ковыля.

Дедушка закончил играть и долго не мог прийти в себя. Его глаза повлажнели, он беспричинно улыбался, как будто не мог вернуться в юрту и был далеко за её пределами.

Я был ошеломлён. Над нами витал дух бунтаря Курмангазы. Я рассказал об этом бабушке, она сказала: “Правы оказались музыканты, когда

сказали, что ты обладаешь абсолютным слухом. Только настоящий музыкант может так услышать великого кюйши. Ты станешь великим, мой мальчик! Не каждый человек может так почувствовать эту музыку! Учись на домбре, на любом инструменте, ты должен стать музыкантом, это твоё призвание!”

Мне стало стыдно. Я не знал, что мой дедушка так хорошо играет на домбре. Хозяин похвалил: “Вы хорошо играете на домбре, а внука научили?”. И тут бабушка призналась: “Его родители до сих пор не решили, на каком инструменте будет играть их сын. Городские казахи хотят, чтобы их дети играли на современных инструментах”. Я перебила её: “Бабушка, почему я ни разу не слышал, как дедушка играет на домбре?”.

— Много лет назад мы похоронили единственного своего сына, твоего дядю, он тоже великолепно играл на домбре. Его убили преступники, он был милиционером. После его смерти твой дедушка перестал играть на домбре, чтобы не стереть следы пальцев своего сына. Прошло много времени, и вот он впервые взял в руки домбру, не удержался и стал играть. Он дал клятву не брать домбру, сколько я ни умоляла, он стоял на своём. Двадцать лет длился его траур по сыну, он болел без домбры, я умоляла его, предлагала купить ему новую, но он отказывался, говорил, что без сына не хочет жить. Теперь он перестанет болеть.

Когда твой дедушка играл на домбре, никогда не жаловался на здоровье, а горе сделало его больным, кюи теперь его излечат. Страшным наказанием считается для музыканта, если лишить его возможности играть на любимом инструменте. Ты заметил, как мы все слушали домбру, даже ветер притих и остановился у порога, источая запах степных трав и цветов. Хороший музыкант заставит и горы заплакать!

В детстве я слышала легенду о ловком конокраде, которого долго не могли поймать, он был прекрасным домбристом. Его посадили в зиндан-тюрьму, отобрали у него домбру. Он начал сходить с ума, тогда ему в яму положили палку, он сделал струны из своих волос и играл на ней не хуже, чем на настоящей домбре. По вечерам возле ямы собирался народ, восхищённые его мастерством и мужеством, люди выпустили его на свободу. Настоящий музыкант заставит звучать даже палку! Освободившись, он отказался от воровства и стал музыкантом.

— Бабушка, я хочу научиться играть на домбре, как наш дедушка!

Хозяевам жилось скучно — их юрта была одна на большом пространстве степи. Им не хотелось нас отпускать, они были рады нашему приезду, им понравилась игра моего деда, они готовы были слушать его без перерыва. Они предложили нам остаться на несколько дней, заколоть в честь нас барашка. Бабушка сказала:

— Вот так раньше жили казахи, приглашали к себе путников, оставляли ночевать и всю ночь пели и играли на домбре.

Она хотела заплатить за кумыс, хозяева обиделись и сказали: “Это вы, городские, забыли наши обычаи. Казахи никогда у путников не брали денег. Это изобилие даёт нам Аллах, и мы должны делиться с людьми. Если мы начнем жадничать и продавать, то исчезнет наше благополучие”.

В нашей машине были гостинцы, ими бабушка поделилась с нашими новыми знакомыми. Во дворе играли дети, я познакомился с ними, мне захотелось у них остаться.

Бабушка восхищалась новыми знакомыми: “Вот настоящие казахи! Не то что наши, городские, которые готовы продавать даже воздух, чтобы

заработать деньги. Наш народ испортился, забыл свои обычаи и не хочет жить по старым канонам. Жаль, что только такие, как мы, ещё придерживаются, а после нас всё забудется”.

Я стал успокаивать её, что когда вырасту, тоже буду жить в таком домике и приглашать к себе гостей. Она сказала: “Спасибо, дорогой, что меня успокаиваешь. Уж ты точно не будешь жить в ауле, на отгонном участке”.

Дорога оказалась долгой, и я уснул. Проснулся оттого, что меня стали будить: “Внучек, просыпайся, сейчас увидишь сурков, их здесь много. У них целая колония. Они живут, как люди, семьями, говорят, раньше они были людьми, но провинились перед Богом, и он их превратил в зверей. С каждым годом всё меньше становится этих несчастных зверьков, главный враг для них — человек. В настоящее время их колонии охраняются, за каждого убитого сурка браконьеры платят большие штрафы, но их ничем не остановишь”.

Я стал смотреть по сторонам и увидел на возвышенности много маленьких зверьков, которые стояли на задних лапах и зорко охраняли своих соплеменников. Они чем-то были похожи на людей, их дети веселились и не замечали, что их покой охраняется взрослыми сурками. Они не боялись машин, но вдруг заметались и быстро скрылись. Над их поселением кружила птица. Это был беркут. Внезапно он свернул крылья и камнем упал на землю. Он увидел одного зазевавшегося сурка и схватил его. Мне стало жаль сурков. Какие они несчастные, не имеют возможности, как люди, свободно гулять у себя в степи. Их жизнь полна опасностей.

Беркут улетел, и они вновь выскочили из норок, никто не плакал и не искал несчастного, как будто он не был их родственником. Как хорошо, что я рождён человеком! Я не хотел быть несчастным зверьком. Всё это я выпалил своим родственникам, и дедушка сказал, жаль не только сурков, но сайгаков и куланов.

Эти красивейшие животные раньше заселяли просторы Казахстана. Их тоже стали истреблять и погубили. В последнее время их поголовье стало увеличиваться. Я спросил его, как называется кюй, который он напоследок сыграл? Он сказал: “Этот знаменитый кюй называется “Аксак-кулан”. Это очень древний кюй, основанный на легенде. Много веков назад жил хан Жоши, у него было огромное ханство, его многочисленные жёны рожали ему только девочек. Наконец у него родился сын, хан страшно любил своего единственного сына.

Тогда были другие времена, не было ни школ, ни институтов, молодёжи нечем было заняться, ханский сын любил охотиться со свитой и друзьями. Однажды он один погнался за стадом куланов, свита потеряла его из виду. Когда нашли его, он лежал убитый на земле. Его окружение испугалось и разбежалось. Хан объявил: за хорошую весть о моём сыне я подарю полханства, за плохую залью глотку расплавленным свинцом! Никто не хотел сообщать хану о страшном горе, они попросили известного кюйши сообщить ему об этом. Он тоже боялся хана, поэтому сыграл кюй, который назвал “Аксак-кулан”, где рассказал о куланах, как им хорошо жилось раньше на просторах Сары-Арки. Они паслись на сочных пастбищах, пили серебряную воду из родника и резвились на изумрудной траве. Они никого и ничего не боялись.

Однажды появились люди, которые стали их безжалостно истреблять. И тогда молодой вожак, чтобы выжить, научил своё стадо отбиваться от охотников, закалывать их рогами и затаптывать. В одной из таких битв их вожак стал хромым. Он был храбрым и бесстрашным, и горе было тому,

кто оказывался на его пути. Его стали бояться люди и прозвали Аксак-куланом — Хромым куланом.

Молодой султан не знал об этом, увидев стадо, он увлёкся и отстал от своих нукеров, решив поохотиться в одиночку, показать свою удаль. Вожак не хотел его убивать. Он уводил своё стадо, но молодой султан не отставал, преследовал их, забрасывая стрелами, тогда вожак повернул стадо, накинудся и затоптал его. О гибели сына хану рассказала домбра кюйши. Хан рассердился и приказал свинцом залить рот кюйши, но старейшины заступились за него и сказали, что старик не виноват, виновата домбра, и её надо наказать. Так появилось отверстие в домбре”.

Мне тоже захотелось стать кюйши и сочинять такие кюи, которые передавались бы музыкантами веками. Я решил, как только научусь играть на домбре, первый свой кюй посвящу маме с бабушкой и признаюсь им в своей любви. А другой кюй посвящу дяде, брату моей мамы, и расскажу, как наш дедушка не играл на домбре, двадцать лет горя о своём единственном сыне. Это будет кюй об отцовской любви к сыну. А следующий кюй будет об Аксак-кулане, которого люди сделали хромым и злым, о жестокости людей, которые не имеют права истреблять ни сусликов, ни куланов, ни губить красавиц-ёлок.

Мне вдруг стало грустно: что сейчас делает мама? Как отец, сестра, не скучают ли обо мне, или без меня им хорошо? Вдруг машина остановилась. Бабушка решила нас накормить, она вытаскивала обед из баночек и кастрюлек. Мы остановились у дороги, где стояли стол и стулья. Всё оказалось железным, вбитым в землю. Я спросил: зачем их прибили? Дедушка ответил, что народ пошёл вороватый, всё, что видит, тащит домой.

Иногда я плохо понимаю взрослых. Как может быть народ вороватым? Рядом с местом отдыха текла маленькая речка, в ней плавали маленькие рыбки. Я спросил дедушку, как называются эти рыбки, он ответил: это мальки. Они, как люди-лилипуты, которых я видел в цирке, навсегда остаются маленькими.

Мы с дедушкой вместе прогулялись, сходили в туалет. И я сказал себе: “Ерке, ты взрослеешь, сегодня ты на равных ушёл с дедушкой. Обычно мама водила меня в туалет”. Я понял, что теперь не имею права быть прежним Ерке. Пора вести так себя, чтобы меня уважали и называли полным именем Еркегали, которое неплохо звучит. Перекусив, я решил помочь бабушке убраться.

Она сказала: “Ты мужчина, иди, поговори с дедушкой, а я сама управлюсь”. Я понял, что быть взрослым почётно. Мы стояли на холме, перед нами расстилалась степь, воспетая кюйши, которые на таком простеньком инструменте могли воспроизводить звуки бегущих стад куланов или битву казахов за свою землю.

Бабушка рассказала, что в ауле дети просыпаются под пенье петухов, наслаждаются чудесной природой и едят экологически чистую пищу. Я почувствовал себя несчастным, и мне стало жаль всех городских детей и мою семью. Я вновь уснул, а когда проснулся, мне стало стыдно, что я постоянно сплю, а бабушка объяснила: “Бедный ребёнок, от чистого воздуха он постоянно засыпает”. Солнце уходило за горизонт. Заря огненной птицей нависла над степью. Её огненно-красные крылья отсвечивали червонным золотом и поражали своим размахом.

Я понял, что наша поездка завершается и мы добрались до аула. Перед нами расстилалась серая дорога в колдобинах. По сторонам дороги

росли маленькие рощи. Всю поездку мне казалось, что деревья бегут за нами, чтобы перегнать нас и перегородить дорогу. А дальше виднелись маленькие домики, фигуры людей. На душе становилось веселее. Вот оказывается, какой аул!

Мы выехали на асфальт, машина стала ехать медленнее, сбавила скорость. Бабушка сказала: “Сейчас мы повернём направо и подъедем прямо к дому наших родственников”.

Навстречу нам бежали собаки, они гнались за нами и лаяли. В их лае много было недовольства, мол, приезжают к нам всякие и мешают. Мы свернули с дороги и поехали по степи, по зелёной траве, которую мне жаль было переезжать на машине. Подъехали к большому дому. На улице была выложена печь, на которой в большом казане варился бесбармак, запах которого известен каждому казаху, в том числе и городскому.

Навстречу нам вышла толпа, среди них было много стариков. Они обнимали и целовали нас. В том числе и со мной здоровались, как со взрослым человеком. У казахов есть пословица: “Даже пятилетнего малыша приветствуют аксакалы, если он приехал издалека”. Женщины обнимали и целовали меня, все радовались нашему приезду.

В ауле

Откуда-то появилось много мальчишек, они с любопытством смотрели на меня. Бабушка сказала: “Вот твои родственники, иди играй с ними!”. Мальчишки позвали меня, и я побежал за ними. Вдруг большая странная птица вытянула шею и кинулась за мной. Я остановился, все смотрели на меня с любопытством. Один из них сказал: “Гусак понял, что ты чужой, и хочет тебя ущипнуть”. Следом за ней и другие птицы, вытянув шеи, собрались на меня напасть. А маленький рыжий мальчуган посоветовал: “Не показывай вида, что боишься, гони их”. Я схватил валявшуюся на земле палку и бросился навстречу, они погоготали и неторопливо пошли на другую сторону. А один из мальчишек с уважением сказал: “Смотри, смелый! В прошлом году приезжал мальчишка постарше тебя, просидел целый день дома, боялся выйти на улицу”. Я понял, это было проверка, и я её выдержал. Меня всё удивляло в ауле. Вокруг дома разгуливали телята и овцы, в будке лежала собака, которая не прекращала лаять, недовольная нашим приездом. Возле дома бегали собаки, которых я тоже побаивался.

Мы с мальчишками оказались в степи. Стояла пронзительная тишина, которую мы нарушили. Голубое небо постепенно начало темнеть, исчезли весёлые облака, похожие на барашков, солнце собиралось уйти на покой. Оно превратилось в красный шар и медленно катилось вниз.

Наступил вечер, слышались крики людей, лай собак, мычание коров, мальчишки спросили, почему мы так долго добирались. Я рассказал им, как мы останавливались в степи у одинокой юрты.

— А это юрта Сансызбая! — сказал один из них.

— А как ты узнал?

— Только он может напоить путника бесплатным кумысом, таких людей сейчас нигде не сыщешь.

Мы стали знакомиться, они называли свои имена, а я испугался, что никогда их не запомню и не смогу отличить их. Двое из мальчишек были близнецами, их можно было запомнить — Канат и Марат, очень распространённые имена среди городских мальчишек. А оставшиеся называли

имена, но я не мог запомнить их лица. Все старались показать себя взрослее. Один из них поставил мне подножку, я понял его намерение и ловко от неё отскочил. Мальчишки стали дурачиться, а я показал им свои приёмы, которым меня обучал отец.

— Ты младше нас, а оказался самым ловким и вёртким, — удивлялись мальчишки.

Мечты мальчишек

Мы падали, ставили друг другу подножки, смеялись, кувыркались на зелёном ковре и не чувствовали боли, не было ссадин. Мальчишки задавали много вопросов о компьютерах. Правда ли, спрашивали они, у вас можно заплатить пятьдесят тенге и поиграть на компьютере в игры до ночи? Я признался, что туда не хожу, а по словам мальчишек знаю, что в компьютерных салонах играть — дорогое удовольствие. Я объяснил, что у нас дома есть компьютер и мне разрешают в день играть на нём только один час. Они просили подробно рассказать о компьютерных играх. Я намного младше был их, но мы, городские, более продвинутые и в компьютерных играх разбираемся лучше. Они с уважением слушали меня, игры на компьютерах были для них недостижимы, у них компьютеры стояли в основном только в школе, но они почти все были поломаны.

Каждый из этих мальчишек мечтал о собственном компьютере, пусть самой старой модели. У них в ауле есть семьи, которые имеют хорошие компьютеры. Но многим они недоступны. Мальчишки интересовались: правда ли, что в городе даже маленькие дети имеют сотовые телефоны? Я ответил, что сотовые телефоны выгодны родителям, чтобы знать местонахождение ребёнка, в некоторых семьях ими пользуются, чтобы родители имели возможность контролировать и общаться с ребёнком, когда он гуляет. Я объяснил им, что в городе телефон — не роскошь, а необходимость. Иногда и мне родители отдают свой сотовый, когда я нахожусь на тренировке. Общаюсь по телефону, я ставлю их в известность, что свободен, и они могут меня забрать домой. Наш гараж находится далеко от дома, мы с отцом возвращаемся оттуда пешком. Отец по дороге рассказывает мне о машинах, со временем мы придумали игру — кто быстрее отгадает марку машины.

Он выписывает журнал для автомобилистов, где подробно описаны марки машин. Мальчишки сразу меня зауважали, им понравилось, что я честно всё им рассказываю и не хвастаюсь.

— До этого к нам приезжал тоже родственник из города, он старше тебя, но оказался хвастуном, он утверждал, что является знатоком машин, а оказался настоящим лгуном, — рассказывали мне мальчишки. — Мы каждый день спрашивали его, проверяли, какой марки машина твоего отца? Он каждый раз называл разную, в конце концов запутался. А мы все над ним посмеялись.

Я понял, что каждое моё слово перепроверяется, так как многие из них знали о машинах не меньше, чем я. Мы все мечтали вырасти и иметь собственную машину, эта мечта всех современных мальчишек. Я рассказал, что в некоторых странах детям рано выдают права. В Европе их выдают в шестнадцать лет. Не потому что машина в их странах — роскошь, а это главное средство передвижения. Каждому члену семьи в этих странах покупают машину, потому что у них не принято ездить на общественном транспорте. Это было для них открытием. Многие мальчишки были начитанными и знали не меньше меня, но притворялись, задавая мне лукавые вопросы.

Мы о многом говорили, их интересовало, на какой машине ездит мой отец. Могу ли я отличить “Ауди” от “Мерседеса?”. Я ответил, что у “Ауди” стоит знак в виде четырёх колец, а у “Мерседеса” кружок и внутри треугольник. Они спрашивали, правда ли, что в нашем городе ездят “Ягуары” и “Лексусы”?

Я ответил, что Караганду не удивишь дорогими машинами. У нашего знакомого есть “Лексус”, он пригнал его из Германии, он не является новым. В городе есть владельцы “Ягуаров”. Это очень дорогие машины, которые изготавливаются по индивидуальному заказу. А длинные лимузины используются в свадебных кортежах, по выходным молодожёнов катают по городу. А недавно я смотрел по телевизору передачу, где любителей хороших машин познакомили с новинкой — джипом, который вместо топлива использует водород. Я перечислил им много марок машин, о которых они и не слышали. Один из мальчишек заинтересовался, видел ли я “Кабриолет”? Я объяснил, что так называют машину, у которой верх салона не закрывается.

Мальчишки восхищались иностранными автомобилями, и в душе каждый мечтал на них покататься. Нам было обидно за наш Казахстан, который никак не может создать свою машину, которую можно было бы назвать “Тулпаром”, а мы, казахстанцы, могли бы ею гордиться. Мы говорили и о военной технике, здесь я тоже показал свои знания, приобретённые благодаря нашей спутниковой “тарелке”.

Многие горожане имеют возможность смотреть передачи со всего мира с её помощью. Мальчишек интересовало всё! Я делился тем, что знал от отца или слышал по телевизору.

Все учёные мира работают над новым топливом, которое будет экологически чистым и не станет загрязнять воздух. Его назовут биотопливом. Это точно, что оно не будет похоже на бензин. А также появились электромобили, которые ездят на батарейках, днём их подзаряжают солнечной энергией. Только эти машины способны передвигаться пока на небольшие расстояния. Весь мир обеспокоен глобальным потеплением. Есть предположение, что Европа может исчезнуть под водой.

А главное событие, которого ждёт весь мир, — посещение инопланетянами Земли.

Я тоже задавал вопросы. Например, за какой промежуток времени я могу научиться скакать на лошади. В этом они разбирались лучше меня. Я много узнал полезного о лошадях, их повадках. Они пообещали за небольшой срок обучить меня кататься на лошади. Я совсем забыл о своей семье и своих родных. Мы не заметили, как стемнело. На тёмно-синем небе звёзды горели, как огни, они были крупнее, чем в городе, и казались дорогими алмазами, я постеснялся сказать об этом, мальчишки сами подсказали мне и объяснили это тем, что у нас в городе большая загазованность. А здесь чистый воздух и звёзды горят и светят ярче, чем в городе. Здесь всё было лучше, я сам в этом убедился.

Мне стыдно было признаться, что я боюсь волков, и не знал, водятся ли они здесь и не бродят ли по вечерам по аулу как собаки. Мне хотелось узнать, как отличить волка от собаки. Я не хотел признаваться, что мне страшно оставаться с ними в степи без взрослых. Когда за нами на велосипеде приехал мальчишка и сообщил, что нас ждёт ужин, я обрадовался. Он предложил мне сесть на его велосипед, я с удовольствием согласился. Хотелось оказаться рядом с родными, к этому времени я почувствовал, что проголодался. Бабушка встретила меня на улице и повела к умывальнику,

который я впервые увидел в мультфильме “Мойдодыр”. Она была права, в ауле было много такого, чего я не видел в городе. Над домом горели лампы, мы ужинали во дворе за большим столом, который использовали для торжественных случаев. Я не помню, как оказался в постели и уснул.

Знакомство с животными

Утром я проснулся от крика. Это кричал петух, я много раз видел и слышал в кино и мультфильмах, как кричат петухи. Я вышел на улицу. Собака, лежавшая у двери, увидев, что я выскочил из дома, отбежала и легла, немного полаяв. Большой петух при приезде поразил меня нарядным оперением: его гребешок был сдвинут набекрень, как крошечная красная фуражка. Он стоял высоко на заборе и кукарекал. Увидев меня, он замолчал, посмотрел на меня, как бы спрашивая, пришёл послушать или научиться кукарекать. С первого дня он меня невзлюбил. Глядя на меня, злобно вращал глазами, стучал крыльями, хотел меня напугать. Я подошёл к нему и спросил: “За что ты меня ненавидишь?”. И смело посмотрел ему в глаза, не отводя взгляда. И победил. Петух отлетел и больше не пытался напугать. Раньше я не знал, что гуси и утки — разные птицы. Они ходят небольшими стайками, переваливаясь, как наша соседка. Одна из гусынь подошла и схватила меня за штанину, хотела клюнуть, я быстро сориентировался, нашёл палку и отогнал, больше никто из птиц не пытался меня клюнуть.

Бабушка вышла за мной. Было очень рано и прохладно, от холодного и чистого воздуха у меня защипало в носу. Она обняла меня, я прижался к ней. Я был счастлив и признателен ей за эту поездку. У неё на глазах появились слёзы: “Это мой родной аул. В этом доме я родилась и была счастливым ребёнком. Он построен моим отцом. Сейчас здесь живёт мой племянник с семьёй. Он мне близок, и я хочу, чтобы ты почувствовал дух моей семьи. Мы были маленькими детьми, когда отец начал строить дом, мы, дети, по мере возможности помогали. Крыша здесь камышовая, стены из самана. Мы помогали ему делать саманные кирпичи. Для этого отец вырыл большую яму, заполнял её глиной и конским навозом. Всё перемешивалось и заливалось водой, а мы босыми ногами месили, потом всё это перемещалось в специальные деревянные формы и сушилось.

В последнее время в доме протекает крыша, мы с дедом хотим помочь моим родственникам отремонтировать её. У моего племянника много детей и маленькая зарплата. Иногда я помогаю ему, даю немного денег.

Летом все люди с самого утра находятся в поле. У каждого дома небольшой огород, люди сажают картофель и овощи, здесь нет таких магазинов, как в городе. Каждый делает запасы, без них не проживёшь. Молодёжь уезжает, не хочет жить в ауле, здесь нет работы, негде развлечься. Тем, кто родился в городе, не понять психологию сельского жителя, нелёгким трудом зарабатывающего себе на жизнь”.

Я предложил: “Бабушка, может, ты хочешь, чтоб я вернулся в аул и стал жить в твоём доме?”. Она рассмеялась: “Этот дом ты не унаследуешь, у него есть свои наследники. А в аул ты никогда не переедешь потому, что тебе кажется, что здесь всегда хорошо. Скоро тебе, городскому жителю, станет здесь скучно. Ты привык к комфорту, спутниковому телевидению, ванной, где постоянно горячая и холодная вода, к мороженому и другим развлечениям. Всем в городе жить нельзя, кто-то должен выращивать пшеницу и овощи, пасти коров и овец. Не у всех это получается, тот, кто

по- настоящему любит свою землю, никогда её не бросит и не уедет в город. Зимой здесь сильные морозы, таких не бывает в городе. По ночам воют волки, иногда залезают в овчарню. Наметает много снега, и люди откапывают свои жилища. Людям здесь некогда болеть — больница находится далеко. Это твоя бабушка бегаёт по врачам, потому что она на пенсии”.

Хозяйка дома пошла доить корову, бабушка спросила, хочу ли я увидеть, как доят корову? Майра — так звали нашу родственницу — села под корову и, как дождик, забрызгала струи молока.

— Сейчас ты выпьешь парного молока, которого в городе не купишь.

Оно было тёплым и не очень приятным на вкус. Бабушка сокрушалась: “Бедные городские дети, они не знают, что корова даёт молоко, что куры несут яйца. От чистого воздуха у них болит голова. Технический прогресс, кроме вреда, ничего им не приносит”. Ах, если бы знала моя бабушка, как мне завидуют аульские дети, я в их глазах похож на живой компьютер, который многие из них не видели.

Мы стояли с бабушкой на улице, хозяйки выгоняли коров, скоро они слились в одно стадо и пошли на пастбище. Я спросил: а как они найдут свой дом? Она ответила: “Это умные и мудрые животные”. Я знал, что мудрыми бывают люди, а про коров узнал впервые. После обеда во дворе стало весело, дети стали баловаться, садиться на баранов, которые разгуливали по двору. Я тоже хотел сесть, но упал, они надо мной стали смеяться. Мне стало неприятно. Я несколько раз ещё падал, но всё же научился держаться. И тут понял, что на лошади кататься ещё сложнее, и я обязан всему научиться.

Моя мечта стать ковбоем не может так легко осуществиться, для этого нужны время и терпение. Времени у меня мало, а терпения и настойчивости хватит.

Дедушка обратился к родственникам найти для меня послушную лошадь, чтобы я научился на ней ездить. Хозяин предложил выехать на пастбище вечером, чтобы найти табун. Обычно утром лошади спят в лощине или прячутся у подножия гор от солнца. В табуне есть смиренная лошадка, на которой учились ездить его дети. Мы сели в машину и поехали искать табун. Я впервые увидел близко пасущихся лошадей. Дедушка хвастался: “С каждым годом в Казахстане улучшается жизнь, некоторые фермеры имеют несколько табунов лошадей, количество которых исчисляется тысячами”. Они неторопливо бродили по степи, искали вкусную траву и под звон уздечек неторопливо её пережёвывали. Высокие, стройные, длинноногие, очень грациозные, они поражали красотой, их взгляд светился умом. Ими я был очарован и завидовал аульским мальчишкам, которые имеют возможность каждый день любоваться этими животными. Мне захотелось остаться в ауле и жить рядом с ними. Мальчишки знали масти лошадей, а мне казалось, что я никогда их не смогу запомнить. Этот конь пегий, этот вороной, а этот серый в яблоках — называли они мне лошадей. Один жеребец поражал красотой, он был красновато-золотистого цвета, его хвост и грива отливали золотом, он казался мне сказочным тулпаром.

Ветер игрался с ними, гладил им гривы, трепал хвосты, издевался и проказничал. А они, не обращая внимания, лениво передвигались, уставшие от жаркого дня и солнца, хвостом отгоняли мух, шли навстречу вечернему закату, который окрашивал их в розовый цвет, превращал в красных коней. Красивее этих животных я никогда ничего не видел! Моя мечта — вырасти и купить себе лошадь, которая была бы собственной, как автомобиль!

Я знал, что в Америке диких лошадей называют мустангами. Дедушка объяснил: “Эти лошади не дикие, у них есть хозяева, которые оплачивают труд табунщика, чтобы он присматривал за ними”. Я решил вырасти, вернуться в аул и стать табунщиком.

Как я катался на лошади

Вскоре мне подвели лошадь. Она ждала, когда меня посадят на неё. Я удивился её терпению, а дедушка заявил: “Все лошади такие умные! Главное, не бойся, подожди ноги, она сама пойдёт. Вначале нужно научиться правильно сидеть на лошади, потом мы научим тебя на ней кататься. Для этого нужно потренироваться два-три дня”. Как только я сел на лошадь, меня окружили мальчишки, они подсказывали мне, как с ней надо обращаться. Может, мы испугали её, лошадь вдруг понеслась. А возможно, ей надоело плестись подо мной. Передо мной мелькнула полянка, мы домчались до отары овец, собаки, увидев нас, залаяли, лошадь понеслась ещё быстрее. Я кричал, никто меня не слышал. Я испугался, что упаду, но помнил, что нужно управлять поводьями, и крепко их натянул, прижимая ноги к её туловищу, и почувствовал, что она стала меня слушаться. Я натянул поводья и чуть-чуть их тряхнул, лошадь остановилась и пошла медленнее. Сердце моё радостно стучало, мне было стыдно, ноги мои дрожали от страха, недаром говорят, что лошади — умные животные. Она понимала, что я ребёнок и боюсь, и обратно привезла меня к дедушке.

Первое испытание я выдержал. Дедушка поднял меня и поцеловал, он был горд, что его внук не опозорился. Хорошо что рядом никого не оказалось, никто не слышал, как вначале я испугался и кричал, умоляя вытащить меня из седла, клялся и божился, что больше не поеду кататься. Теперь я чувствовал себя победителем. О моём позоре никто не знал, кроме лошади.

Как я пас лошадей

В ауле я хорошо научился говорить на родном языке. Вначале дети посмеивались надо мной. Время летело быстро, я загорел, возмужал и радовал бабушку своим аппетитом, домой не просился и не вспоминал родителей, словно забыл о их существовании. Один наш родственник предложил пасти с ним лошадей. Родные не хотели меня отпускать, а хозяйка стала пугать волками, которые бродят стаями и могут напасть. Дедушка отругал её и сказал: “Пусть едет, он приехал, чтобы увидеть всё своими глазами. Летом волки не нападают на табуны, от звёзд в степи светло, не то что в городе. Здесь небо никогда не чернеет, потому что нет дыма и копоти. Еркегали — взрослый мальчик, скоро пойдёт в школу, ему будет что рассказать городским детям, может похвастаться, что был на джайляу, пас лошадей”.

Я не мог дождаться вечера, мне не сиделось дома. Я в первый раз выехал самостоятельно в степь на лошади. И чувствовал уважение своих родных. Бабушка собирала мне “тормозок”, а дедушка давал ценные советы. Свысока я смотрел на детей, которые почему-то не стремились на пастбище. Возможно, там было не всё так романтично, как казалось мне.

Аульчаны каждый день пасли своих лошадей, менялись или отправляли своих детей. Я был счастлив. Весь аул был у меня как на ладони, он вначале казался мне большим, но выяснилось, что просто здесь дома отдалены друг от друга.

Мы подъехали к подножию гор, где паслись лошади, оттуда повели их на водопой. К вечеру похолодало. Небо стало бархатисто-синим, крупные звёзды казались бриллиантами на бархатной подушке, сверкали разноцветными огнями. У реки вожак стоял отдельно и ждал отставших подруг, ветер игрался с их шелковистыми гривами. Кобылки — грациозные, как танцовщицы, заполонили речку. Они одна за другой входили в неё, уступали дорогу, чтобы дать возможность всем охладиться и испить водички, вели себя интеллигентно, как хорошо воспитанные люди.

Лошади фыркали, прикасаясь губами к воде. Промко квакали лягушки, требуя освободить их территорию, шелестел камыш, лошади пили воду неторопливо, с достоинством, как японцы во время чайной церемонии. Они мотали головами, отбиваясь от хулиганистой мошкары, соблюдали все традиции лошадиного водопоя. Среди них были дойные кобылицы, рядом бегали жеребята с чёлками, как у малышей, они резвились и мешали своим матерям.

Меня поражали их глаза, немного грустные. Я бы исправил известное выражение: на грустные глаза как у лошади. Меня поражали их степенность и величавость. Взрослые лошади с любовью смотрели на жеребят, опекали их. На небе заря оставила свой розовый шлейф, который постепенно поблёк и исчез, небо окрасилось в тёмно-синий цвет сапфира. По краям и в середине небольшими золотыми полосками и блёстками сверкали последние лучики солнца, не успевшие спрятаться.

Я с табунщиком Толепом погнал лошадей. Они шли лавиной, мы следили за вожак, который иногда пугал нас, меняя курс. Табунщику помогали собаки, лошадки их слушались, а молодые жеребцы старались увильнуть с дороги, показывая свою удаль и храбрость молодым кобылкам. Собаки упрямо возвращали их назад, выполняя приказ хозяина. В степи любое зрелище вызывало мой восторг, а её величие — трепет. Мы с табунком остановились у подножия гор. Ночью решили их здесь покормить. Всю ночь мы просидели у костра. Толеп разговаривал со мной и подпаском, рассказывал страшные истории о буранах, которые неделями метут, превращая степь в большие холмы. О морозах, которые не дают плевку упасть на землю, моментально превращая его в лёд. О том, как однажды с вожак отбивался от волчьей стаи. И о бесстрашном волке — помеси собаки с волком, который воспитывался у людей и хорошо знал психологию человека. Человек неразумно поступил, оставив его у себя, он стал вожак стаи и год наводил ужас на аульчан своей жестокостью, за ночь волки могли уничтожить отару овец. Однажды Толеп чуть не замёрз. Я мечтал скорее вырасти, приехать в аул и стать табунщиком. Это самая романтическая профессия. Табунщики — сильные и храбрые люди. Когда Толеп уснул, мы с подпаском стали пугаться теней, которые наводнили пространство. Благо летом быстро рассветает, алая заря розами закидала голубое небо.

А утром мы решили вернуться в лощину. Впереди шёл вожак — изумительной красоты жеребец. Он был тонкий, стройный, чёрный, на лбу у него было белое пятно в виде звезды, на груди белая манишка. От первых выглянувших лучей солнца кожа его переливалась, он был похож на артиста или дирижёра.

Когда мы вернулись к подножию горы, лошади отправились в лощину, куда не проникали жаркие лучи солнца. Толеп вынес из пещеры несколько старых одеял и подушек. Всё расстелил и предложил мне поспать: “Такого сна у тебя никогда не будет, достаточно поспать десять-пятнадцать минут,

а бодрости получишь на весь день. Здесь целебный воздух от лечебных трав. Я много лет пасу здесь лошадей. Они — умнейшие животные, никуда не уйдут, а ты можешь поспать, для тебя непривычно рано вставать”.

Я не хотел спать, свежий воздух охлаждал ноздри, я замёрз, высокая ярко-зелёная трава источала неведомый мне аромат. Я знал от бабушки названия многих цветов, жёлтые — мать-и-мачеха, сиреневые и синие — васильки, белые — кашки, голубые — колокольчики, казавшиеся вышивками чудесных мастериц на зелёном ковре, серебристый ковель пушистой бахромой украшал его. Рядом небольшая роцца, молодые берёзки, как девчонки-подростки в коротких зелёных платьицах, стояли стайками, щебетали о своих секретках и звенели серёжками. Я пошёл туда, откуда доносилось птичье пенье: “фью-фью”. Я попробовал повторить. Фью-фью — воспроизвёл я их звук, и с ветки мне ответила маленькая птичка. Я пошёл туда, откуда доносилось пение, в гущу роцци, из-под ног моих выскочили куропатки. Моя бабушка всегда восхищалась спутниковым телевидением, которое сделало меня знатоком лесных птиц, оно знакомило нас с природой всего мира. Оттуда я почерпнул много хороших сведений, но ничто не сравнится с тем, что увидел наяву.

Конечно, мне хотелось, чтобы здесь бегали обезьяны, но меня атаковали белки, они бросались в меня шишками и прыгали с деревьев. Я был ошеломлён увиденным. Большая птица пролетела надо мной, издавая угрожающие звуки. Это был филин. Видно, что мы его потревожили, и он, ухая и пыхтя, отлетел от меня. Днём эти птицы не видят. Слышался стук дятла, он ни на минуту не прекращал стучать, извлекая из дерева новые звуки. Мне не хотелось уходить: роцца, казавшаяся маленькой, расширялась вдоль и поперёк, и чем дальше я уходил, тем больше встречались незнакомые деревья. В гуще росли сосны, ели и малознакомые кустарники, белки, как любопытные соседи, выскочили, чтобы увидеть меня и предупредить окружающих.

“Мальчик, здесь тебе делать нечего”, — хотелось им сказать мне.

Это я понял, когда получил шишкой по голове. А в сказках они такие добренькие.

Толеп искал, кричал, звал меня, он пришёл за мной. И попросил меня остаться здесь ненадолго, подпасок уехал домой, а ему надо было возвратиться в аул. Я обрадовался, что останусь один. Он попросил в его отсутствие никуда не уходить, можешь заблудиться — предупредил он меня. Лесок кажется небольшим, а тянется длиной в несколько десятков километров. Для меня Толеп соорудил лёгкое жилище, где можно было укрыться от солнца. Когда табунщик уехал, наступила тишина. Такую пронзительную тишину никогда не услышишь в городе. В воздухе слышалось жужжанье и треск крыльев. Миллионы кусачих тварей появились откуда-то, они старались укусить, ужалить меня. Надо мной близко пролетел орёл. Я сжался, мне вспомнились рассказы, что они воруют ягнят, могут не побрезговать ребёнком. Ужас и отчаяние охватили меня. Рядом — пещера, почему-то приходили на память сказки про троллей и леших. Стало казаться, что рядом кто-то смеётся, потом я вспомнил: такой хохот слышится из лесу, где живут филины. Где-то стучало, ухало, надо мной летали мухи, которые тоже оказались кусачими. Я был искусан и жалел, что согласился сюда приехать.

Мне захотелось есть, и я вспомнил, что бабушка передала со мной большую сумку, куда предусмотрительно положила много еды и мазь от комаров. Моя умная и лучшая в мире бабушка! Я хочу сделать для тебя лекарство, чтобы ты была бессмертной. Мне захотелось увидеть её и

прижаться к её большому телу. Когда я был маленьким, я обратился к ней с просьбой: “Бабушка, ты не можешь похудеть, чтобы я мог тебя всю обнять?”. Прилив нежности я испытывал ко всем родственникам. Как здорово, что они живут в этом ауле, без них я сюда бы не приехал. Я поел с жадностью, потом остановился, никогда еда для меня не была такой вкусной. Я проглотил положенные для меня булочки и яйца и чувствовал, что всё могу съесть в один присест. Если бы она увидела меня, пожирающего с такой жадностью еду, как она обрадовалась бы.

Во всём виноват я, почему не послушался её? К приезду Толепа я умру от жары или меня слопают мухи и комары. Мне стало стыдно: ноешь, а как живут в ауле? Всё лето дети работают с отцами-табунщиками. Они никогда не выезжали за пределы аула, у них фактически нет каникул. С утра до вечера они выполняют домашнюю работу. Я вернулся к лошадям, они мирно паслись, уступая мне место — мол, можешь присоединиться, тут так вкусно, трава сочная, пить не хочется. Я слышал громкий хруст лошадей, они, как и я, с аппетитом поедали свой завтрак. Я решил понаблюдать, какую траву они любят, они щипали всю подряд и цветы тоже. Я обратился к ним: “Будьте милосердны, ешьте траву, а цветы не трогайте!”. И вновь почувствовал себя увереннее, потому что слышал, что лошади не дают в обиду своих хозяев, затаптывают волков, как непрошенных гостей.

“Эх, признайся, Ерке, ты — трус. Вспомни, как ты кричал от страха, впервые катаясь на лошади. И здесь они чувствуют, что с ними остался мальчик-трус, которому просто везёт”. Я не мог спокойно сидеть на одном месте, пошёл в пещеру, там стоял леденящий холод.

Мне хотелось проникнуть туда, но я боялся пойти один. Эх, надо было пригласить мальчишек, кстати, они вчера не горели желанием поехать с тобой, потому что знали, как жарко и как страшно оставаться с табуном. Я корил себя и заставил вспомнить, сколько раз оказывался виновным в подобных ситуациях. Меня предупреждали, бабушка тоже. Да и дедушка не был в восторге. Но я их не послушался. А вдруг волки нападут на табун? У меня даже нет палки, чтобы их отогнать. Я нашёл причину отойти от табуна. Мне нужна палка.

Постепенно я привыкал, найденную ветку обработал перочинным ножом. Прислушивался к тишине, кроме звона уздечек и жужжания мух и комаров ничего не было слышно. Я с нежностью стал думать о бабушке. Когда вернусь, поцелую её и скажу, что счастлив. Интересно, что делают мои родители? Скорее всего, отдыхают от меня, а может, хотят, чтобы я вовсе не возвращался. Им лучше будет без меня. Представляю, как отцу стыдно за меня. Профессорский сын оказался хулиганом. А если у меня родится сын, похожий на меня? Я тоже буду мучиться? Нет, я лучше не женюсь, разве может родиться у меня нормальный ребёнок? Можно всю жизнь прожить без жены, как родственник отца. А если честно, мне нравится одна девочка, я её защищаю, а она и не догадывается о моих чувствах. А что такое любовь? Это когда хочешь постоянно видеть любимую. А она и не знает о твоих чувствах. Что ты, Ерке, о любви думаешь, думай о родителях. Почему у таких хороших интеллигентных родителей родился ты? Мог бы Бог им дать другого достойного ребёнка. Как-то бабушка отругала меня: “Глупышка, когда прекратишь баловаться? Ты позоришь своего отца”.

Возможно, я впервые ощутил, оставшись один, как я нужен отцу, а он — мне. И дал себе слово не позорить больше его.

Как я стал героем

Утром мы с мальчишками уходили купаться на речку. Нас сопровождали малыши. Дно у реки было илистое, скользкое. Местами она была глубокая и течение было там быстрое. Мы не разрешали малышам заходить далеко. Я со старшими мальчишками купался отдельно, они восхищались мной, я среди них был лучшим пловцом. Однажды, когда я учил их плавать кролем, мы услышали душераздирающий крик.

Один из малышей, поскользнувшись, упал, старших не оказалось рядом, оставшиеся малыши испугались и не оказали ему помощь. Потом один из них признался, что родители предупреждали его: если кто-то станет тонуть, не лезь, сам утонешь. Хорошо что родители не научили их молчать, когда кто-то тонет, они стали кричать, звать взрослых. Я первым бросился ему на помощь. Остальные мальчишки подросли чуть позже. Из всех сил я поплыл к малышу, его уносило течение, я схватил его за волосы, как нас учил тренер, и стал вытаскивать из воды. Подросшие мальчишки взяли его на руки. Мы положили его на песок, я стал делать ему искусственное дыхание, как нас учили в плавательном бассейне. Малыш наглотался воды, рядом стояли испуганные мальчишки. Они помогали мне, через некоторое время изо рта у него полилась вода, он стал дышать. В глазах мальчишек стоял страх, его брат плакал, боялся за его жизнь. Все были потрясены и безропотно выполняли мои команды. Я быстро уставал и просил их помочь мне.

Кто-то из мальчишек успел сбегать в аул и позвать взрослых. Испуганная мама тонувшего ребёнка бежала впереди и страшно кричала. Все были удивлены, когда узнали, что я его спас и сделал ему искусственное дыхание. Никто из родственников уже не верил, что увидит его живым. Их счастью не было конца. Все меня целовали и обнимали. Никто из них не знал, что роды у моей мамы происходили в воде, что я с рождения отлично плаваю. С первых дней моего рождения родители возили меня в детскую поликлинику в бассейн. А в маленьком ауле нет ни бассейна, ни поликлиники. Мне приходилось рассказывать каждому, как я его спас, потому что всем хотели услышать именно от меня. Мальчишки завидовали мне, что я имею возможность в городе посещать бассейн. А их родители чуть ли не умоляли научить их детей плавать и делать искусственное дыхание. До этого, когда я объяснял им, что они неправильно дышат, не экономят свои силы, когда плавают в воде, они смеялись надо мной. Они не хотели признаваться в том, что я, моложе их по возрасту, могу чему-то их обучить. Все аульчане радовались и восхищались мной. Меня стали называть маленьким героем.

Впервые за свои шесть лет Ерке удостоился восхищения и был признан героем. Честно говоря, я так и не понял, что совершил героический поступок. Просто я испугался, что мальчишка утонет, и поспешил ему на помощь. Если это подвиг, то его может совершить каждый. Героем стать не сложно! Главное — хорошо уметь плавать.

Мне стыдно было выходить на улицу, каждый подходил, благодаря меня. Я решил попросить бабушку скрыть это от моих родителей. Если об этом узнает отец, он страшно разозлится. И никогда не отпустит меня с бабушкой. С другой стороны, мне было приятно, что мною все восхищаются, взрослые мужчины и аксакалы здороваются за руку. Я признался бабушке, что ничего не соображал: моя задача была доплыть до мальчика, вытащить его из воды. Окажись этот мальчик старше меня, я мог с ним вместе утонуть. Моя бабушка была счастлива, а потом испугалась и заплакала: «А если бы ты не смог его

вытащить, мог с ним вместе утонуть. Что я сказала бы твоим родителям? Аллах спас тебя и меня от такого позора. Завтра поедем домой, я боюсь, что ты ещё что-нибудь натворишь!”. Я разозлился: “Спаси малыша ты считаешь позором?”. Она призналась: “Я только сейчас поняла, чем могло это закончиться”. Вечером нас пригласили на ужин. Меня называли уважительно Еркегали, и имя моё звучало красиво. Я видел, как мальчишки восхищаются и завидуют мне. Нас вкусно накормили, а потом в дедушкину машину положили барашка: “Это подарок для Еркегали. Пусть его родители едят на здоровье, они воспитали достойного сына”.

Приезд родителей

Мне хотелось и не хотелось, чтобы об этом узнали мои родители, я боялся, что они станут меня ругать. Когда мы вернулись к родственникам, во дворе стоял наш джип. Никому из мальчишек я не говорил, что у моего отца джип, не хотел выгладеть в их глазах хвастуном. Мои родители светились от счастья. Они соскучились и приехали за мной. Отец обнял меня и впервые поцеловал, а мама не могла налюбоваться мной, говорила, что я страшно загорел и похож на негритёнка, возмужал и вырос. А отец подошёл к бабушке, поцеловал её и сказал: “Если можете, простите меня! Спасибо, что вы повезли Ерке в аул. Мой сын повзрослел и прославился, это ваша заслуга”. Исполнилась моя мечта, как будто Всевышний хотел сам отблагодарить меня за мой поступок, прислав моих родителей. Они гордились мною, впервые им не было стыдно за меня, и услышали обо мне столько хорошего, сколько не слышали за всю мою жизнь. Мама тут же вспомнила, что встретила заведующую, Миру Ильясовну, и та призналась: “Как мы скучаем без Ерке”.

А мама сказала: “Разве вы не рады, что на одного “Кошмарика” у вас стало меньше?”.

“Это прозвище неправильное. У вас умный мальчик, у него неординарное мышление. Я завидую школе, где он будет учиться, и была бы не прочь, если бы у меня была группа таких “Кошмариков”.

Мама радовалась: “Наконец ты избавишься от этого прозвища. Из района приехала корреспондент, расспрашивала про твоё детство, хочет написать о тебе в газету. Скоро все узнают о тебе!”. Я спросил, как корреспондент узнала про меня. Мама ответила: “Хорошая новость быстро распространяется”. А главным в моей истории я считаю то, что мои родственники помирились. Папа постоянно приглашает мою бабушку и дедушку к нам в гости. Дедушка играет на домбре. А мама с бабушкой поют песни. Если бы спросили меня: “Ты счастлив, Ерке?”. Я бы ответил: “Да, я счастлив, наконец в нашей семье воцарились мир и взаимопонимание”.

Ерке пошёл в школу

Когда я вернулся из аула, все заметили, что я подросток и даже уши уменьшились. Возможно, повлиял чистый воздух. А может, помогли мои молитвы, с которыми я обращался к Богу с просьбой уменьшить их.

В школу я пошёл знаменитым. Директор объявила всем, что в их школе будет учиться мальчик, который летом совершил героический поступок — спас тонувшего ребёнка.

В школе мне не понравилось. Каждый день я вставал рано, меня отводили в школу. Мне стыдно было за таких ребят, которые приходили в сопровождении своих бабушек. Таких было много. Мальчишки с завистью

смотрели на меня. Когда они просили меня рассказать о своём поступке, я говорил, что каждый из них, если хорошо плавает, может стать героем. Главное — не думать о героизме, лишь тогда можно прославиться. Я не чувствовал себя героем, мне не нравилось писать буквы, в доме было по-прежнему, о моём поступке быстро забыли. И мама каждый день ругала меня за грязь в тетрадке.

Однажды один из мальчишек стал приставать ко мне: “Скажи честно, что не было героического поступка, ты просто договорился с тем малышом? Если честно признаешься, что схитрил, договорился, я стану тебя больше уважать”.

Я не выдержал, повалил его на землю и сел на него. Он испачкался, заплакал. Утром меня ждала его бабушка: “Вот он, полюбуйте, “Кошмарик”! Героем объявили! По телевизору показывали, а он как был хулиганом, так и остался! Я приложу все силы, чтобы узнать правду, внук говорит, что ты договорился с мальчиком перед школой. Говорят, директор школы не хотел брать тебя в свою школу. А ты заплатил ему, чтобы не позорить своих родителей. Перед школой героем захотел стать! Я не позволю тебе бить моего внука. Пойду к директору и добыю, чтобы тебя выгнали из школы!”.

Директор пригласила меня в кабинет и спросила, — почему я побил своего одноклассника. Его бабушка даже слова не дала мне сказать. Я предложил директору: “Пусть он сам расскажет!”. И тут этот мальчик стал передразнивать меня, рассказывать, как Ерке хвастается перед всеми, что он герой, и бьёт каждого, кто ему не верит. Моя учительница привела техничку, которая мыла в коридоре пол и слышала наш разговор. Она подтвердила, что я не виновен. И рассказала, как этот мальчик оскорблял меня. Я молчал и был расстроен: прозвище “Кошмарик”, наверное, будет всю жизнь меня преследовать. Дома я сказал: “Зачем вы отдали меня в школу? Вы лишили меня детства”. Папа рассмеялся: “Наш сын, хоть и стал героем, но остался “Кошмариком”!

Я закончил свою книгу, и мне стыдно стало перед родными. Сколько неприятностей и огорчений я им принёс! Прошу простить меня! Вы — самые лучшие родители и сестра! Вы — самые лучшие бабушка и дедушка! Моя бедная мама изнывала от любопытства, отец спрашивал её: “Ерке разве на осень оставили, что он там пишет?”. Мама успокаивала его: “Подожди немного, я всё тебе расскажу!”.

Утром, когда отец ушёл на работу, я положил рукопись на стол, а сам отправился к бабушке — она просила помочь ей убрать в кладовке.

Весь день я помогал бабушке. Домой возвращался расстроенный. Я не знал, как мама отреагирует на мою исповедь. Дверь мне открыл отец: “Писатель вернулся!”. Он обнял меня. “Я даже не знал, что мой сын обладает таким талантом”.

Я утонул в объятиях сестры и мамы, они обнимали и целовали меня, как будто я стал Нобелевским лауреатом. За время моего отсутствия они прочитали мою книгу и ничуть не обиделись.

Моя книга была признана лучшей в классе. Родители обещали её издать. Я благодарен учительнице за предоставленную возможность исправить оценку по русскому языку.

Я хочу, чтобы каждый человек, независимо от таланта, попробовал написать свою книгу. Это, в первую очередь, нужно ему!

г. Караганда.